

С.С. Лебедева (Санкт-Петербург)

**ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ
СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ВИМАИВВиВС)**

СОЦИАЛЬНАЯ деятельность в дореволюционной России развивалась в контексте основных постулатов государственного устройства в соответствии с патерналистскими принципами, которые распространялись на армию и флот. Великий реформатор всех сфер жизни Петр I особое внимание сосредоточил в этом направлении не только в целях усиления обороноспособности страны, но и создания новых условий для развития российского государства, расширения и укрепления его территорий.

К организации армии и флота он подходил всесторонне, учитывая при их создании все аспекты: политические, социально-экономические, материально-технические и прежде всего духовно-нравственные. При этом необходимо было использовать имеющийся опыт привлечения молодых на военную службу, обеспечивать их после завершения ратных дел, опираясь на всесторонний потенциал, который они приобрели в предыдущие годы. Целесообразно было учитывать их физические возможности, предусматривать систему социальной, медицинской защиты, с одной стороны, и с другой – формировать образ государства, которое заботится о своих подданных.

Законодательные акты Петра I, его инструкции и уставы по армии и флоту содержали в себе обязательство государства оказывать помощь раненым за счет государственного бюджета. В 1710 г. он дал распоряжение «раненых лечить из казны» и выдавать им «полное жалованье». С именем Петра I связано открытие первых в

России сухопутных и морских госпиталей, а также инвалидного дома для увечных воинов. Причем по поводу тяжело раненных офицеров и солдат в 1720 г. было установлено, что совершенно беспомощных из них лечить и «кормить в госпитале до самой смерти».

Деятельность Петра I по созданию военных госпиталей была продолжена в царствование Елизаветы, Екатерины II, Александра I и других российских государей. В 20-е гг. XIX в., к концу правления Александра I, госпитальная сеть России состояла из 95 постоянных военных госпиталей. Они имели почти 29 тысяч мест для лечения раненых военнослужащих.

С петровских времен, когда войско окончательно превратилось в регулярную армию, правительство было особенно озабочено социальным самочувствием военнослужащих и прежде всего принимало меры по обеспечению достойного жизненного уровня профессионального ядра вооруженных сил государства – офицерского состава. Петр I законодательно закрепил этот принцип в строительстве армии и флота: «Офицерам всем дворянство и первое место» с соответствующими материальными и другими социальными привилегиями. Офицерскому составу было установлено относительно высокое денежное жалованье.

Значимость профессиональной деятельности «старых» в двадцатых – тридцатых годах XVIII в. была достаточно велика. Приведем конкретные примеры. По данным архивных документов, многие военные в отставке за «старостью и дряхлостью», «за ранами и болезнями» вызывались на смотры в Сенат, где после освидетельствования их определяли «к делам небольшим», «ко всяким делам», «к лучшим делам». Две последние резолюции означали определение на воеводстве (И.В. Бабич).

Отправленные в отставку капитаны, майоры, поручики, подполковники, полковники и бригадиры, даже прапорщики и сержанты становились «правителями» территории, в основном, если на ней находились их имения. Так, например, среди таких правителей был князь А.Д. Волконский, лейтенант флота, обладатель 1300 душ, майор И.Т. Свитин, имевший 7 душ, и не имевший крестьян поручик П.И. Сторожев.

В дальнейшем многие пожилые военные в отставке были на протяжении значительного числа лет воеводами Углицкой, Пошехонской, Костенской и других провинций, так как среди них были

наиболее опытные и знающие люди. XIX век в определенной мере сохранил традиции использования образовательного потенциала и опыта профессиональной деятельности пожилых военных на государственной службе (И.В. Бабич).

Так, например, среди губернаторов Оренбургского края в XVIII – начале XX в. большая половина состояла из пожилых людей, старше 60 лет, это же касалось наказных атаманов Оренбургского казачьего войска. Такое же положение в отношении признания приоритета пожилых при осуществлении государственной политики являлось достаточно характерным для России в дореволюционный период.

Довольно рано военное ведомство и сама армия стали брать на себя призрение части сирот военнослужащих. По петровским указам 1719 и 1721 гг. в гарнизонах создавались школы, где за счет армейского бюджета содержались и учились дети погибших «всякого чина» вплоть до офицерских детей недворянского сословия.

К XIX в. государственные пенсии стали ведущей формой социального обеспечения военнослужащих. На основе Общего пенсионного устава право на получение государственной пенсии предоставлялось, прежде всего, офицерам и чиновникам военного ведомства по нормативам, единым для всех государственных служащих.

Уделялось большое внимание детям военных, их образование служило мощнейшим средством их социальной защиты. К концу XVIII в. эта тенденция усилилась. В 1798 г., с учреждением Императорского Военно-сиротского дома, все гарнизонные школы были преобразованы в его отделения. В марте 1801 г. функционировало 66 гарнизонных школ-отделений, в том числе в Петербурге и Москве – на 1500 мест, в Кронштадте, Риге и Ревеле – на 1000 мест, в Архангельске – на 700, в Киеве – на 600, в Казани – на 500 мест. Из общей сети военно-школьных отделений в 16 отделениях училось по 200–400 детей, в 41 отделении – по 50–150 детей.

Все патриотические начинания, связанные с военными действиями, подкреплялись социальной поддержкой. Так, например, во время войны 1812 г. уже 27 июля состоялось приглашение воспитанников семинарии и Духовной Академии во временное ополчение. Одновременно ставился вопрос о детях священнослужителей, «при отцах находящихся», указывалось, что их семейства не будут оставлены без внимания. Отмечалось что если кто-либо из духовных учащихся пожелает защищать отечество, увольнять

беспрепятственно, давать продовольствие и суммы, оставшиеся на содержание церквей. Духовным воспитанникам также объявлялось, что при окончании службы в ополчении они возвращаются к прежним местам. Учащиеся, получающие какие-либо доходы, при вступлении в ополчение их не лишаются. Синод предусматривает им пособие, учитывая их положение¹.

Примечательно, что еще в эпоху Александра I попечение о вдовах и сиротах военнослужащих, умерших от ран, взял на себя Комитет по призрению раненых. После Отечественной войны 1812 г. правительство Александра I приняло меры по упорядочению социального призрения раненых воинов. Эту работу возглавил Комитет по призрению раненых, утвержденный указом государя от 18 августа 1814 г. Социальное призрение под руководством Комитета осуществлялось в различных формах. Среди них получили значительное распространение назначение пенсий из инвалидного капитала и государственного казначейства; выдача единовременных денежных пособий; выделение финансовых ссуд; назначение на должности в военном ведомстве; перевод и трудоустройство на гражданской службе; обеспечение жильем; оказание медицинской помощи и другие. Комитетом практиковались такие формы призрения вдов и сирот, как назначение пенсий из инвалидного капитала и ходатайствование о них перед военным министерством, выделение единовременных денежных пособий, определение сирот в учебные заведения (А.Н. Греч).

Для офицеров армии и флота главным источником удовлетворения жизненных потребностей было жалованье. И хотя их жалованье увеличивалось в 2-3 раза, оно значительно отставало от стоимости жизни. Не случайно в царствование Николая I правительство нашло, что оклады недостаточны, и 6 декабря 1838 г. утвердило новый Табель. Наряду с жалованьем офицеры пользовались целым рядом социальных льгот. Им гарантировалось обеспечение жильем. Командиру роты полагалась двухкомнатная квартира, полковнику – квартира из пяти комнат. Если офицеры не смогли снять квартиры на выделенные квартирные деньги, то местное управление обязано было в течение недели предоставить надлежащую квартиру с мебелью, отоплением и освещением. Офицеры, служившие в отдаленных местностях, получали социальную поддержку в виде денежных пособий на воспитание детей до 13 и до 17 лет, а также на их обучение в низших, средних и высших учебных заведениях.

Во время Николая I от Комитета по призрению раненых с 1825 по 1854 гт. получили пенсии свыше 2 тысяч семей убитых и умерших воинов, в это время устроено в учебные заведения на государственные стипендии 813 сирот. Во второй половине XIX в. законы о предоставлении пенсий вдовам и детям в случае гибели их кормильцев, как офицеров, так и ряда «нижних чинов», продолжали действовать и приобрели более широкие масштабы. Дети погибших воинов принимались в военные и светские учебные заведения в первую очередь.

Деятельность военного ведомства обеспечивалась целой сетью учреждений: промышленных, учебных, медицинских и других. Основные виды социальной поддержки распространялись и на работающих в них чиновников и служащих: им выплачивалось профессиональное и статусное продвижение, выделялись средства на медицинскую и социальную помощь непосредственно им и членам семей, независимо от ранга, вероисповедания и занимаемой должности. Большое внимание уделялось образованию детей офицеров и чиновников военного ведомства. Они направлялись в кадетские корпуса, были случаи, когда дети поступали даже в пажеский корпус, а также в гимназии и прогимназии. Духовно-нравственное воспитание ставилось на центральное место и обеспечивалось служением священнослужителей всех конфессий.

Военное министерство осуществляло социальную деятельность в соответствии с общей социальной политикой российского государства. Иностранцы историки отмечали, что благотворительность в России была многосторонней и рассчитанной на предупреждение всевозможных нужд и лишений. Анализ материалов архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) дает достаточно яркое представление о многообразной социальной деятельности одного из подразделений Военного министерства – Главного артиллерийского управления (ГАУ).

Документы красноречиво говорят об усилиях руководства Военного министерства по обеспечению социальной защищенности военнослужащих, начиная с низших чинов и их семей, утверждению нравственных принципов в отношениях, расширению возможности для образования и профессионального развития, независимо от социального статуса, вероисповедания и материального положения, формированию у населения положительного образа

российской армии. При этом мы имеем пример, когда социальная и духовно-нравственная направленность деятельности высокой государственной структуры носит расширительный характер, вбирая в свою орбиту воспитательно-образовательные учреждения, промышленные предприятия, общественные инициативы. Рассмотрим наиболее показательный для развития социальных инициатив этап середины XIX в. – период Крымской кампании (Восточной войны) 1853–1856 гг.

Анализ материалов архивов показывает, что первое основное направление социальных инициатив – это благотворительность. Она была мотивирована духовными потребностями общества, чувством социального и общественного долга. Благотворительность объединяла социальные слои и конфессии, создавала условия для поддержки лиц, оказавшихся в наиболее трудной ситуации.

Если классифицировать акты благотворительности, то их можно было бы представить таким образом:

массовая благотворительность отдельных лиц, семей, конфессиональных, профессиональных групп и объединений, особенно в период тяжелых испытаний, например, войн;

благотворительность внутриведомственная, редкий случай, проявившийся во время Крымской войны – когда офицеры жертвовали собственные суммы раненым, нижним чинам своей же батареи или бригады;

благотворительность межведомственная, также проявившаяся в период Крымской войны, например, когда офицеры-артиллеристы, «чины штаба», пожертвовали 126 р. 80 к. серебром в пользу морских чинов и семейств их, потерявших дома в Севастополе².

Характерной чертой данного периода выступало то обстоятельство, что император был хорошо осведомлен о всех фактах благотворительности и оперативно объявлял благодарности жертвующим в приказах по соответствующим ведомствам.

Сам же император Александр II, вступивший на престол в феврале 1855 г., оказывал помощь пострадавшим в Крымской войне из своих личных средств, так, например, он пожертвовал госпиталю в г. Николаеве одну тысячу рублей серебром. Его супруга, Александра Федоровна, выделила суммы на обучение девочек, отцы которых погибли в период военных действий. И таких примеров можно привести значительное число.

Наряду с проявлениями явной благотворительности, Военное министерство, его артиллерийское ведомство осуществляют социально-профессиональную деятельность по обеспечению социального продвижения офицеров и нижних чинов.

В период военных действий руководство дивизиями и батареями не забывало о социальном и образовательном росте своих подчиненных. Так, например, в архиве ВИМАИВиВС, ф. 15, оп. 108/1, д. 124 нашел отражение документ о производстве нижних чинов из юнкеров, фельдфебелей и фейерверкеров в офицеры «за выслугу лет и за отличие в делах с неприятелем». В связи с этим представлены документы о присвоении офицерского звания прапорщик хорунжим в казачьих войсках, принадлежащим к следующим социальным группам: «из дворян», «из казенных крестьян», «из евреев», «сын рядового».

В этот же период рассматриваются документы «об отправлении офицеров в Михайловскую и Николаевскую Академии для прохождения наук». И такие примеры были нередкими.

Однако не следует оставлять без внимания и негативные факты, на которые незамедлительно реагировало военное начальство. Так, например, рассматривалось «следственное дело о жестком обращении с нижними чинами командира 12-й артиллерийской бригады подполковника Ждан-Пушкина»³.

Особенность управления Санкт-Петербургом как столицей и одним из самых больших городов России заключалась в том, что в нем находились министерства и департаменты, деятельность которых непосредственно влияла на осуществление социальной политики на всей территории государства. Так, например, Военное министерство, имея в своем составе Главное артиллерийское управление, помимо вопросов, касающихся непосредственно вооружения армии, занималось организацией работы предприятий, комплексно обслуживающих вооруженные силы. Особое внимание уделялось социальной направленности деятельности литейных, оружейных и пороховых заводов. В документах 30–80-х гг. XIX в. отражено отношение ГАУ к решению широкого спектра социальных вопросов, с которыми обращались в эту инстанцию офицеры, чиновники, служащие и члены их семей. Большинство из этих вопросов, опираясь на правовую базу, решались с позиции духовно-нравственных ориентаций того времени.

Приведем некоторые примеры из документов ГАУ, хранящихся в архиве ВИМАИВиВС. Опись 109 фонда № 15 артиллерийского департамента свидетельствует о том, что в центре внимания министерства находились следующие вопросы: «о назначении довольства и провианта женам и детям женского пола нижних чинов Луганского литейного завода» (дети мужского пола были охвачены профессиональным обучением и находились на ведомственном обеспечении – *Прим. авт.*)⁴. Рассматривается вопрос о производстве награждений и пенсий состоящим при Сестрорецком оружейном заводе нижним чинам, вдовам и сиротам; об определении сына чиновника в 3-ю Петербургскую гимназию, об отпуске за границу по болезни надворного советника Юкшина, о назначении пособия чиновнику по случаю замужества дочери, о предупредительных мерах против холеры (случаи которой появились в ближайших губерниях)⁵.

Служащие артиллерийского ведомства обращаются в ГАУ также для решения проблем нравственного и семейного характера. Так, например, рассматривается жалоба крестьянки Ирины Василевской – помещика Гриневича – на полковника Сарандинаки, жалоба чиновника Первухина на непочтительное отношение к нему и матери их сына поручика, жалоба жены чиновника Шуберта на мужа⁶.

В материалах Главного артиллерийского управления большое внимание уделяется обучению и продвижению по служебной лестнице с обоснованием не только профессиональных, но и личностных качеств специалиста, «похвальной точности и аккуратности в выполнении обязательств». Проблемы обучения детей служащих на заводах также являются предметом озабоченности начальства. Так, например, рассматривается вопрос «о назначении для обучения детей классных чиновников Ижевского оружейного завода пастора лютеранского вероисповедания Куфekoге»⁷.

Следует отметить факт уважительного отношения к населению органов государственной власти с учетом правовых норм того времени. Так, например, решается вопрос «о вознаграждении помещика Ясинского за убыль, понесенную от практической стрельбы»⁸. Даже в тяжелый период Крымской кампании (1854–1856 гг.) штаб артиллерии помнит о высоком статусе российской армии и формировании у населения уважения к ней. В приказе артиллерийского ведомства отмечается: «...деньги препроводить коменданту

города Бахчисарая для выдачи по принадлежности жителю О. Тиберти и мещанину Осману-Оглы за понесенные ими убытки»⁹. Приказы свидетельствуют о повышенной ответственности офицеров: «...с ближайших начальников, виновных в допущении низших чинов артиллерийского ведомства к покосу травы на чужих лугах и использованию лошадей и рогатого скота немедленно взыскивать 320 рублей серебром». Представители военных ведомств показывали примеры справедливого решения вопросов и уважения общечеловеческих законов даже в условиях войны, что проявилось, в частности, в приказе «о возмещении убытков крестьянам деревни Крительна Ольшевскому и Каспоровичу за вытоптанный у них хлеб»¹⁰.

Необходимо учесть, что в этот период жалованье полковника было 502 р. 5 к., столовых он получал 840 р. 60 к., капитан имел жалованье 336 р. 30 к., столовых – 280 р. 20 к.¹¹

По отношению к фактам хищения имущества тогда применялись особые меры, как пример можно привести «Приказ о строжайшем наблюдении за действиями коллежского советника Дьякова, прежде отставленного за лихоимство»¹².

В наиболее острые периоды русской истории жены императоров возглавляли советы и комитеты по оказанию социальной помощи «уязвленным» слоям населения. Так, например, в период русско-японской войны жена Николая II, Александра Федоровна, создала Верховный совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Членами этого совета были приглашены участвовать лучшие юристы, экономисты, организаторы, обладающие большим практическим опытом¹³.

В этот же период был создан Алексеевский (в честь наследника престола Алексея) главный комитет по призрению детей лиц, погибших в войне с Японией. Руководство этим комитетом осуществлял известный ученый П.П. Семенов-Тянь-Шанский.

Кроме того, Александра Федоровна участвовала в деятельности Всероссийского попечительства об охране материнства и младенчества.

Члены императорской семьи уделяют внимание гуманистическим инициативам, выдвигаемым общественностью.

Таким образом, можно сделать вывод, что Военное министерство, представляя собою определенный социальный институт,

реализовало в своей деятельности целостный устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, способов контроля, регулировало систему статусов, обеспечивая социальный лифт и социальные практики в традиционных и неординарных ситуациях повседневной жизни военнослужащих.

Не касаясь всех сторон и инициатив государственных, духовных и общественных организаций начала XX в., мы остановились в основном на малоизвестных фактах или фактах, которые намеренно замалчивались. Нами лишь сделана первая попытка проанализировать действительно имевшие место факты, способствующие в дальнейшем целостному и как можно более полному анализу проблемы взаимодействия государственных, духовных и благотворительных сил в деле социальной защиты, образования и духовно-нравственного развития населения.

¹ РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 726. Л. 7.

² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 15. Оп. 108/1 Д. 60. Л. 28, 183.

³ Там же. Д. 52.

⁴ Там же. Оп. 109. Д. 47/171. Л. 6.

⁵ Там же. Д. 378/4. Л. 25, 27.

⁶ Там же. Д. 181/157. Л. 25.

⁷ Там же. Д. 45/168. Л. 6.

⁸ Там же. Оп. 6. Д. 14/90. Л. 101.

⁹ Там же. Оп. 108. Д. 96. Л. 30.

¹⁰ Там же. Д. 59.

¹¹ Там же. Д. 161. Л. 288.

¹² Там же. Оп. 109. Д. 45/168. Л. 6.

¹³ Там же. РГИА. Ф. 1409. Оп. 9. Д. 105. Л. 15.